

ПРИСУЖДЕНИЕ в 1901 году первой Нобелевской премии по литературе давно испавшемуся французскому поэту Сюлли-Прюдому, а не Льву Толстому вызвало сильную волну протеста со стороны шведской интеллигенции. Назвав присуждение "национальным унижением", профессор Оскар Левертин обвинил Шведскую академию в "недостатке мужества". Почему премия не была присуждена Толстому, "последнему из пророков"?

Левертина поддерживал целый ряд представителей так называемой "Молодой Швеции", среди которых были такие знаменитые деятели искусства, как Август Стриндберг, Густав Гейерстам, Вернер фон Хейденстам, Сельма Лагерлёф и Андерс Зорн. Они все вместе – сорок два человека – прислали русскому писателю адрес, в котором выразили свой протест по поводу неприсуждения ему премии.

Вместе с тем встал вопрос: почему же сторонники Толстого сами не выдвигали его кандидатуру? Ведь среди лиц, подписавших "протест 42-х", было немало профессоров, которые имели право это сделать. Сожалая о своей ошибке, профессор Левертин должен был признаться в том, что он считал кандидатуру Толстого делом само собою разумеющимся.

Наконец в начале февраля 1902 года на стол академиков попало и имя Толстого. Однако вскоре после этого последовал ответ Толстого на обращение к нему представителей шведской интеллигенции. Как явствует из письма, Толстой отнюдь не сожалел о неприсуждении ему Нобелевской премии – ведь деньги, по мнению Толстого, приносят человеку одно лишь зло.

Как и следовало ожидать, "отречение" Толстого от Нобелевской премии (причем еще до факта присуждения!) сильно повредило кампании, проводимой сторонниками его кандидатуры. В Нобелевском комитете, напротив, облегченно вздохнули.

В самом деле, со своим критическим отношением к существующему порядку Толстой плохо соответствовал идеологии, на которую опиралась в то время Шведская академия. Ведь, по желанию Нобеля, премия должна была присуждаться "тому, кто в области литературы произвел самое отличное в идеальном направлении", причем эпитет "идеальный" отнюдь не означал "идеалистический", а что-то другое, довольно неясное и туманное. В первые годы члены Академии понимали эти загадочные слова так, что призы должны отличаться, по словам секретаря Академии Карла Давида Вирсена, "настоящим благородством не только в изображении действительности, но и в мировоззрении и восприятии жизни". Следует ли считать это истолкование правильным – другой вопрос. Известно, что Густав-Миттаг Леффлер, близкий друг завещателя, понимал эти слова иначе, подчеркивая, что Нобель "был анархистом: под словом "идеальный" он имел в виду то, что занимает полемическую или критическую позицию по отношению к религии, монархии, браку, вообще к общественному строю". Но Академия в то время придержи-

Почему Лев Толстой не стал нобелевским лауреатом

Гейр ХЬЕТСО

В конце жизни великий русский писатель боялся только двух вещей: своей жены и Нобелевской премии. Так считает известный норвежский славист

живалась едва ли не противоположной точки зрения, а иначе Толстой, вероятно, получил бы премию.

Ознакомившись с письмом Толстого, Нобелевский комитет стал действовать упорно и самоуверенно. Своим консультантом при обсуждении кандидатуры Толстого он выбрал друга Вирсена, небезызвестного слависта Альфреда Йенсена, весьма отрицательно относящегося к позднему творчеству писателя.

По мнению Йенсена, в данном случае необходимо было принять во внимание и морализаторские трактаты Толстого, то есть ту часть его творчества, которая воспринималась консультантом чуть ли не как бессмысленное шарлатанство. "Можно назвать Толстого великой совестью России, но он не является большим сердцем ее и – надеюсь – еще меньше великой мыслью ее будущего", – заключил Йенсен свой отзыв.

Не менее отрицательно высказался на основании этой консультации сам Нобелевский комитет, обвиняя Толстого в ненависти к культуре, государству, религии, вообще ко всем человеческим ценностям. Не стоит навязывать этому чудаку ненавистные ему деньги, решил Нобелевский комитет. В последующие годы (1903, 1904, 1905), когда Толстой все еще выдвигался на Нобелевскую премию, комитет довольствовался лишь ссылкой на ранее принятое решение.

Тем не менее в 1906 году снова стали ходить слухи, что Нобелевскую премию присудят Толстому. Но писатель, как впоследствии и Жан Поль Сартр, по-прежнему упорно возражал и противился. Об этом свидетельствует его письмо к финскому переводчику Арвиду Эрнефельту: "...очень прошу вас сделать, что вы можете, к тому, чтобы они не назначали мне премии и не ставили меня в очень неприятное мне положение – отказываться от нее".

Неприсуждение Толстому Нобелевской премии по литературе воспринималось и до сих пор воспринимается как едва ли не крупный скандал. Ведь нигде не было сказано, что премия могла присуждаться лишь с согласия кандидата. Скорее всего причина неприсуждения премии Толстому кроется в том, что Шведская академия считала его, как и Йенсен,

Стриндберга, слишком "анархичным" и недостаточно "идеальным" для такой премии. По мнению консервативно настроенных членов комитета, влияние Толстого на общественный строй того времени было отнюдь не идеальным, а скорее всего отрицательным, даже губительным.

МЕЖДУ тем была еще другая Нобелевская премия, на которую Толстой был возможным кандидатом, а именно премия мира, которая по завещанию Нобеля должна была присуждаться Норвежским Нобелевским комитетом. Проведенные нами розыски материалов в архиве Института имени Нобеля в Осло показали, что писатель трижды выдвигался на эту премию. Но и в комитете по премии мира наметилась своего рода боязнь провоцировать правящие круги награждением такого "анархиста", как Толстой.

Поэтому борьба в защиту кандидатуры Толстого и в Норвегии велась главным образом вне Нобелевского комитета. Одним из его страстных поборников в Норвегии был бывший русский подданный М.Левин, который не раз жаловался в прессе на игнорирование комитетом Толстого, "любящего мир более, чем все другие кандидаты вместе взятые".

Наконец агитация Левина в пользу Толстого возымела успех. В конце января 1909 года к нему пришел известный пацифист Николай Юлиус Сёренсен, передал

привет от председателя Норвежского Нобелевского комитета, бывшего премьер-министра Норвегии Йоргена Лёвланда, а также высказанное им по поводу этого вопроса мнение, будто причиной, по которой Толстой до сих пор не получил Нобелевской премии, было то, что его никто не предложил.

Левин немедленно связался с депутатом Норвежского стортинга Альфредом Эриксоном, который, получив поддержку трех симпатизирующих депутатов, отправил в Нобелевский комитет следующее предложение:

"Уважаемый Нобелевский комитет! Мы, нижеподписавшиеся, настоящим письмом предлагаем вам присудить Нобелевскую премию мира за нынешний год Льву Толстому.

Этот величайший гений, перед которым благоговеют не только друзья, но и

противники во всем цивилизованном мире, больше чем любой другой служил делу мира, страстно желая уничтожить дух войны среди народов. Его мужественное поведение во время войны между Россией и Японией является незабываемой заслугой перед всеми истинными друзьями мира и гуманности.

Христиания, 1 февраля 1909 года
С уважением,
Альфред Эриксен, Эгед-Ниссен, Магнус Нильсен, А.Бюен".

Поскольку это письмо подписали выдающиеся политики Норвегии, Нобелевский комитет счел необходимым узнать мнение серьезного консультанта. Задание было поручено Карлу Вильгельму Хаммеру, заведующему архивом Министерства иностранных дел, который написал длинное представление на небезызвестного писателя. Конечно, консультант должен был согласиться, что Толстой – "художественный гений". Но философские работы писателя якобы свидетельствовали скорее всего о поверхностных и несистематических знаниях дилетанта. Хотя Толстой и пробуждал истину в людях, но этого было недостаточно, по мнению консультанта, для получения Нобелевской премии мира.

В ФЕВРАЛЕ 1910 года Левин совершил путешествие в Ясную Поляну. "Толстой никак не удивлялся и не возмущался, что его не признавали достойным получить премию мира", – писал потом Левин. "Зато писатель решительно протестовал против обвинения его в том, будто он имеет связь с анархистами, показывая нам два письма от анархистов, ругающих его за

то, что он проявляет терпимость и учит, что надобно прощать своих врагов и никогда не применять грубую силу".

К тому времени Христен Коллин, другой поклонник Толстого, сделал последнюю попытку повлиять на Нобелевский комитет мира с целью выдвижения кандидатуры Толстого:

"Почему великий русский проповедник мира до сих пор все еще не награжден Нобелевской премией мира, спрашивают люди. Ответ известен: он ярый пацифист. А это не звучит в нашей стране... В самом деле, Толстой, как и первые христиане и основатель самого христианства, отрицательно, нигилистически относится к сопротивлению злу насилием. Даже сам Христос вряд ли получил бы в наши дни Нобелевскую премию мира. Ведь и Он проповедовал непротивление несправедливости".

Но лично Толстой к выдвижению своей кандидатуры на премию мира относился так же равнодушно и отрицательно, как и к премии по литературе. В ответном письме к Левину, который осенью 1910 года в последний раз обратился по этому поводу к писателю, Толстой выражает все тот же негативный взгляд: "Отказываюсь же я потому, что убежден в безусловном вреде денег".

Недаром мировая печать потом шутила, что Толстой якобы оставил Ясную Поляну из боязни, что ему присудят Нобелевскую премию. Но на самом деле риск присуждения, увы, был невелик. Не без иронии восклицал Христен Коллин:

"Он был слишком большим идеалистом для того, чтобы получить премию, назначенную для идеалистических писателей! Он был слишком большим другом мира для того, чтобы получить премию мира. Возможно, требовалось много мужества для того, чтобы дать такому человеку Нобелевскую премию мира!.. Вместе с тем приходится сожалеть, что у нас не хватало этого мужества".

Однако вскоре это дело закончилось курьезным эпилогом. Узнав о смерти Толстого, Йорген Лёвланд отправил вдове писателя телеграмму с соболезнованием:

"Норвежский институт имени Нобеля выражает вам свое искреннее сочувствие и разделяет горе в отношении великой утраты, которая поразила не только русский народ, но и весь цивилизованный мир".

Был ли в этих словах все-таки оттенок раскаяния? В таком случае Норвежский Нобелевский комитет явно опоздал.